

различаются мифологии североцентральных областей Северной Америки (в основном алгонкины и сиу) и Амазонии (особенно Северо-Западной) и Льяносов. В Южной Америке наибольшее число «северных» элементов представлено в мифологиях тихоокеанского пояса и особенно Южного Конуса. «Северный» комплекс, видимо, связан с кловисским эпизодом заселения Америки (IX тыс. до н.э.). «Амазонский» комплекс может быть более ранним. В Азии доля «амазонских» мотивов возрастает при движении от Чукотки на юг, достигая максимума в Восточной Индонезии – Меланезии.

Обсуждая результаты работы, выступавшие выразили единодушное мнение, что в будущем, несмотря на трудности организации, необходимо продолжать Маклаевские чтения, являющиеся важным инструментом сохранения и поддержания традиций изучения Австралии, Океании и Юго-Восточной Азии в отечественной этнографической науке. очередные Маклаевские чтения состоятся в апреле 2000 г.

П.Л. Белков

© 2000 г., ЭО, № 2

ЧЕТВЕРТЫЕ СИБИРСКИЕ ЧТЕНИЯ «КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ НАРОДОВ СИБИРИ И СЕВЕРА»

12–14 октября 1998 г. в Санкт-Петербурге состоялись очередные Сибирские чтения, которые раз в три года проводит отдел этнографии Сибири Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Начало чтениям было положено в 1988 г., когда в Ленинград приехали ученые из многих городов Советского Союза. В своих выступлениях они значительное место уделили одному из самых сложных и больших вопросов – современному состоянию народов Сибири. Материалы следующих Сибирских чтений уже были опубликованы¹. По третьим Сибирским чтениям выпущен сборник докладов².

На четвертых Сибирских чтениях выступали ученые из Санкт-Петербурга, Омска, Москвы, Екатеринбургa, Тобольска, Якутска, представившие 34 доклада.

Каждое заседание посвящалось одному из аспектов научных исследований. На первом были заслушаны доклады источниковедческого и историографического характера. Открылось заседание выступлением Е.А. Алехановой (С.-Петербург), в котором она рассказала о сложной судьбе одного из своих информантов – кетки О.В. Тыгановой, знатока традиционной культуры.

Роль исследователей-сибиреведов в отечественной науке была показана в докладах Н.А. Томилова (Омск), выделившего несколько периодов деятельности омских ученых, каждый из которых отмечен вошедшими в историю именами (Ч.Ч. Валиханов, М.В. Певцов, И.Н. Шухов, С.И. Кочнев и др.), и А.М. Решетова (С.-Петербург), рассказавшего о разработках С.К. Патканова в области статистики и этнографии.

Ряд выступлений был посвящен богатейшему источнику, на котором основаны работы многих ученых, – музейным материалам. К.Ю. Соловьева (С.-Петербург) проинформировала собравшихся об уникальной фотоколлекции А.В. Адрианова по васюганско-ваховским хантам, хранящейся в Российском этнографическом музее. Ценность этой коллекции заключается не только в том, что она отражает все стороны традиционной культуры, но и в наличии подробных комментариев, включающих в себя еще не известную исследователям информацию. Ч.М. Таксами (С.-Петербург) в докладе основное внимание уделил деятельности участников Джебзуновской экспедиции. Вклад ученых и путешественников в формирование фондов отделов Америки и Сибири МАЭ был освещен в докладе Е.А. Окладниковой (С.-Петербург). О небольшой коллекции сибирских вещей, хранящейся в Музее истории религии, рассказала Т.И. Щербак ова (С.-Петербург).

С доклада Т.А. Поповой (С.-Петербург) о коллекциях МАЭ, но уже археологических, поступивших в отдел археологии от имени императора Николая II и характеризующих различные этапы древней истории Минусинской котловины, началось второе заседание, посвященное проблемам культуро- и этногенеза, а также этнической истории народов Сибири. Большой интерес вызвал доклад П.А. Косинцева (Екатеринбург) о хозяйственных занятиях населения р. Казым (правый приток Оби в ее нижнем

течении) позднего железного века, в котором были детально проанализированы археологические материалы, что позволило выделить для этой территории три типа специализации охотничье-промысловой деятельности, связанных с различными историческими периодами. Первый тип характеризуется массовой добычей лося и северного оленя, второй – преимущественно северного оленя, третий – лося. Такие варианты промысловой деятельности были продиктованы изменениями численности промысловых животных, происходившими в результате потепления или похолодания. С этим связан и вопрос о происхождении оленеводства у северных народов, которое, по мнению докладчика, в лесной зоне Западной Сибири возникло не позднее раннего железного века.

Источником для реконструкции мировоззрения палеолитического населения Сибири послужили предметы искусства (антропо- и зооморфная скульптура), подробно проанализированные С.А. Демещенко (С.-Петербург). Особое внимание в докладе было уделено образу змеи, символизирующей подземный, нижний мир. В эпоху палеолита, по мнению докладчицы, могли зародиться верования, в дальнейшем трансформировавшиеся в культ духа хозяйки огня.

Изобразительное творчество (сюжеты бронзового культового литья) древнего населения через призму современного человека, обладающего особыми психическими свойствами, рассмотрел в докладе Е.М. Данченко (Омск). Е.А. Михайлова (С.-Петербург) на археологических и этнографических материалах проследила историю погребальных сооружений азиатских эскимосов, выявив основную направленность процесса их трансформации – от сложных к более простым, что можно объяснить сменой среды обитания.

В докладе В.П. Дьяконовой (С.-Петербург) был всесторонне охарактеризован один из компонентов тувинского этноса – *маиды*. А.А. Дубровина и Р.Я. Рассудова (обе – С.-Петербург) рассмотрели вопрос о происхождении сибирских бухарцев, акцентируя внимание на наиболее значимом их подразделении – *саргах*. В этногенетическом аспекте в докладе Н.В. Ермоловой (С.-Петербург) была рассмотрена западноевропейская татуировка, наиболее близкий аналог которой, как удалось установить при анализе археологических и этнографических материалов, обнаруживается в таштыкской культуре (I–V вв.), что дает возможность предполагать участие таштыкского компонента в формировании западноевропейского культурного комплекса.

Формированию культуры тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины был посвящен доклад М.А. Корусенко и Е.Ю. Смирновой (Омск). По мнению докладчиков, в ее основе лежит явление культурной диффузии, по отношению же к территориям, занятым этим населением, они предлагают использовать понятие «диффузионный культурный ареал». Особенность этого ареала – фактор равнинного пространства, обусловивший свободное расселение, с одной стороны, и тесные культурные, торговые и хозяйственные связи – с другой.

Характеристика этнического состава сибирских татар на основе современных родословных была представлена в докладе С.Н. Корусенко и Н.В. Кулешовой (Омск). Генеалогические исследования тюркского населения Барабинской степи и Среднего Прииртышья показали, что в его составе четко выявляются два этнических компонента: коренные сибирские и поволжско-приуральские татары и их потомки.

Программа третьего заседания включала в себя доклады, посвященные хозяйственной деятельности и материальной культуре. В докладе В.А. Козьмина (С.-Петербург) рассматривалась методика исследования генезиса западносибирского оленеводства. Одно из важных направлений в данном случае – изучение всех составляющих оленеводческой культуры, что позволит более определенно говорить об истоках и путях формирования некоторых универсальных оленеводческих традиций. Новый материал по календарю лесных ненцев, полученный во время экспедиционных поездок в Пуровский и Нижневартовский районы Тюменской обл., был представлен в докладе И.А. Карапетовой (С.-Петербург), сопоставившей эти данные с уже опубликованными в этнографической литературе. Е.Г. Федорова (С.-Петербург) проанализировала один из элементов культуры мапси-олeneводо- в – женскую шубу, уделив особое внимание ее украшениям – мозаичному орнаменту, узоры которого определяют локальную принадлежность владелицы. Обычай таким способом маркировать «свою» вещь в ряде районов, как показывают полевые материалы, сохранился до настоящего времени.

Наибольший интерес у современных исследователей вызывают вопросы духовной культуры. Это подтверждается материалами как предыдущих, так и настоящих Сибирских чтений, на которых этой проблематике было посвящено два заседания. Докладчики использовали собственные полевые материалы, данные архивов и литературных источников. Е.П. Мартынова (Тобольск) сопоставила модели вселенной

северных, южных и восточных хантов, выявив специфику каждой из этих групп, а также параллели с культурой других народов. А.Б. О с т р о в с к и й (С.-Петербург) охарактеризовал сезонные варианты модели мира нивхов, особо подчеркнув роль числового кода, посредством которого в мифологическом мышлении отражается изменение образа мироздания при переходе от одного сезона к другому. Кулинарный код как один из аспектов символической культуры кочевых народов Южной Сибири в контексте семейной обрядности был рассмотрен в докладе С.Н. С о л о м а т и н о й (С.-Петербург). Ю.Г. К у с т о в а (С.-Петербург) рассказала о традиционных представлениях хакасов о жизненности и связанных с ними обрядах.

Шаманская тематика была представлена на чтениях серией докладов. Т.Ю. С е м (С.-Петербург) посвятила свое выступление обрядам календарного цикла народов Приамурья и Приморья, в которых шаман играет ведущую роль. Н.Я. Б у л а т о в а (С.-Петербург) привела подробное описание шаманского обряда у эвенков, участницей которого ей довелось быть. Характеристика уникальных материалов по шаманству эвенов Якутии, записанных в 1928 г. финским ученым А. Сотавала от эвена – студента ЛГУ, была представлена в совместном докладе А.А. Б у р ы к и н а (С.-Петербург) и С.И. Ш а р и н о й (Якутск). Особый интерес у слушателей вызвало выступление Т.Д. Б у л г а к о в о й (С.-Петербург), в котором она предложила выделить две группы людей по принципу их отношения к одной из основных функций шамана – лечению: люди одного с ним рода и люди других родов и даже национальностей. Важен вывод о том, что первые не могут лечиться у своего шамана, так как это означало бы восстановление последнего против своих же духов.

Не осталась без внимания и такая тема, как почитание животных. М.М. Х а с а н о в а (С.-Петербург) рассказала о культе медведя у негидальцев, уделив особое внимание лексике. С.В. Р о м а н о в а (С.-Петербург) охарактеризовала отношение тюркоязычных народов к собаке, которая выступает и в роли оберега, и как враждебное существо.

Два доклада были посвящены фольклору народов Сибири. Д.В. Г е р а с и м о в а (С.-Петербург) по материалам переведенных ею записей известного венгерского исследователя XIX в. Б. Мункачи, сделанных на уже не существующих диалектах мансийского языка, выделила несколько жанров песенного фольклора манси. Л.К. С е м е н о в а (Москва) выявила общие черты якутских исторических преданий, где главными персонажами выступали Омогой и Эллэй, и тюркского эпоса об Едигее.

На последнем заседании были заслушаны доклады, посвященные языкам народов Сибири. А.А. Б у р ы к и н рассказал о проблемах, связанных с разработкой письменности для малочисленных народов Севера Сибири и Дальнего Востока. А.А. П е т р о в (С.-Петербург) поделился опытом составления этнолингвистического словаря тунгусов, в котором нашли отражение табу и эвфемизмы.

Материалы четвертых Сибирских чтений будут опубликованы в виде сборника докладов. Следующие, пятые Сибирские чтения состоятся в 2001 г.

Примечания

¹ Сибирские чтения. 1992 г. К 90-летию со дня рождения А.А. Попова. 11-13 ноября 1992 г. СПб., 1992.

² Культура народов Сибири. Материалы Третьих Сибирских чтений. СПб., 1997.

Е.Г. Федорова

© 2000 г., ЭО, № 2

III МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ «ЭТНИЧНОСТЬ И ЭТНИЧЕСКИЙ МЕНТАЛИТЕТ В ЦИРКУМБАЛТИЙСКОМ АРЕАЛЕ»

Баллистика (и этнографическая, и антропологическая, и лингвистическая, и частично археологическая) стала за последние годы весьма редкой областью исследования в отечественной науке. Причины этого – и разрыв научных контактов между многими научно-исследовательскими учреждениями в 1990-е годы, и объективные (политические и экономические) трудности взаимного общения, и субъективное угасание